

Омский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Омск

ОБРАЗ НИКОЛАЯ I В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: РУССКО-ПОЛЬСКИЙ ДИСКУРС

В настоящее время одним из актуальных вопросов для отечественных историков остается изучение личностей российских монархов, в том числе представителей династии Романовых. Проблема конструирования образа представителя власти как в России, так и за рубежом, в особенности в свете проблем нациестроительства, также вызывает интерес среди исследователей. Цель нашей работы состоит в том, чтобы реконструировать образы императора Николая I, выявить их трансформацию, сходства и различия в рамках польского вопроса — одного из самых острых для Российской империи. В статье анализируются российские и польские источники личного происхождения 1820–1830-х гг. в контексте польской коронации 1829 г. и восстания 1830–1831 гг.: воспоминания, дневники, письма приближенных Николая I, представителей польской аристократии, российских и польских общественных деятелей, а также самого императора. Используя историко-антропологический подход, мы имеем возможность с помощью источников личного происхождения выявить особенности формирования образа императора. Историко-сравнительный метод позволяет проанализировать характеристики, которыми императора наделяли современники, и реконструировать хронологическую эволюцию образов Николая I. Главным результатом эволюции образов императора можно назвать момент отделения образа российского императора от образа польского короля, неоднократно подчеркиваемый как российскими и польскими современниками, так и самим императором. Самоидентификация Николая I, как российского самодержавного монарха, стала одним из итогов последовавшего вскоре за коронацией Польского восстания 1830–1831 гг.

Ключевые слова: источники личного происхождения, национальная политика, Российская империя, Польша, Царство Польское, русское самодержавие, Польское восстание 1830–1831 гг., Николай I.

Постановка вопроса. Антропологический поворот в исторической науке стал началом трансформации истории как науки об институтах в науку о человеке, понимания его особой значимости для исторического процесса. Изучение роли личности в истории на современном этапе часто связывают с имиджелогией или образованием, рассматривая образы власти и личностей во власти.

Основой изучения личностей российских императоров традиционно являлись источники личного происхождения. Сложность интерпретации данных источников связана с их политизацией, отбором, исходя из политических интересов исследователя, политической конъюнктуры. Изучение Николая I как императора складывалось под влиянием политического фактора. Образ самодержца в дореволюционный период выведен в традициях консервативно-охранительной историографии (к примеру, биография, написанная русским военным деятелем и историком Н. К. Шильдером [1]). В советский

период его образ представлен в негативном ключе, зачастую в связке с восстанием декабристов, что отражено в работах историка и журналиста С. Любоша [2], писателя Г. И. Чулкова [3], историка М. А. Полиевктова [4].

К настоящему времени круг исследований, посвященных Николаю I, нельзя назвать обширным. Одним из самых подробных трудов является монография Л. В. Выскочкова, посвященная личности и эпохе правления Николая I [5], биография написана и историком Д. И. Олейниковым [6]. При изучении взаимоотношений представителей императорского дома с Царством Польским исследователи чаще всего акцентируют внимание на более актуальной для поляков фигуре великого князя Константина Павловича [7].

Тем не менее тема взаимоотношений Николая I и Польши также становится предметом изучения. О польской коронации императора в своей статье пишет исследователь О. С. Каштанова, отчасти уде-

ляя внимание и восприятию образа императора поляками [8].

В данной работе анализируются российские и польские источники личного происхождения с целью реконструкции образов Николая I, как польского короля и российского императора, а также выявление изменений этих образов после Польского восстания 1830–1831 гг.

Важно отметить и публикацию мемуаров польских современников Николая I — сборник воспоминаний, представляющий собой уникальный пласт сведений об отношении польских политиков и деятелей культуры к власти. Большая часть мемуаров была впервые переведена на русский язык, воспоминания государственного деятеля О. А. Пржецлавского ранее были опубликованы отдельными главами в различных дореволюционных журналах [9].

Николай I, вступивший на российский престол в 1825 г., получил в наследство от своего брата Александра I много нерешенных вопросов, связанных с национальными окраинами империи, в том числе с Царством Польским. Александр I, на которого поляки возлагали большие надежды, поначалу считался в Польше героем. Патриоты, такие как Изабелла Чарторыйская (супруга А. Чарторыйского [10, с. 44]), с восторгом относились к нему, называя не иначе как королем и, очевидно, считая, что Польша являлась почти независимым королевством: «Мне казалось сновидением, что существует Польша, и есть польский король в польском народном мундире... Слезы у меня выступили на глазах: итак, у меня есть отечество, и я оставляю его моим детям» [11, с. 13]. Очевидно, что для элиты не всегда важна была национальность польского короля — достаточно было лишь того, чтобы Польша называлась и считалась королевством и чтобы обещания, данные новым королем, исполнялись неукоснительно. Речь Посполитая, монархи в которой выбирались магнатским сеймом, управлялась королями разного происхождения — занятие польского трона не поляком не было чем-то новым и недопустимым. Однако любое пограние обещаний сразу же отворачивало подданных от власти.

Основная часть. Анализируя источники личного происхождения, стоит начать с личных записных книжек Николая I, которые рисуют круг общения, сложившийся у него в этой части империи еще в период царствования Александра I. Во время поездок в Польшу Николай не только инспектировал полки Варшавского военного округа, но и встречался с представителями аристократии, такими как Радзивиллы [12, с. 260–265], Потоцкие [13, с. 240] и др. Очевидно, неоднократно видел тогдашнего польского князя-наместника — Иосифа Зайончека [12, с. 31], князя Адама Чарторыйского [12, с. 31]. На страницах своих дневников Николай упоминает каждого представителя польской аристократии или военного, с которым состоялась встреча. Оценочные характеристики в дневниках Николая довольно редки, в том числе и во время его пребывания в Польше, поэтому можно узнать лишь о его польском окружении и степени участия самого Николая Павловича в политической жизни.

Став императором, Николай посетил Царство Польское не сразу, а лишь в 1829 г., когда должна была состояться его польская коронация [13, с. 65]. Тем не менее польский вопрос беспокоил его, как и собственная роль в этом вопросе. Уже в начале своего правления в письмах к брату Константину Николай I размышлял о двойственности своего по-

ложения и сознательно выделял два образа, которым ему необходимо было соответствовать: «Пока я существую, я никак не могу допустить, чтобы идеи о присоединении Литвы к Польше могли быть поощряемы [...]. При всем том это не мешает мне быть столь же хорошим поляком, как и хорошим русским» [14, с. 152].

Коронационные торжества, во время которых Николай I должен был официально принять на себя титул царя Польского, нашли отражение в большом количестве источников — как польских, так и российских. Один из важных сюжетов в источниках посвящен титулатуре Николая I. В своих мемуарах Й. Пржецлавский, польско-русский публицист и российский государственный деятель, рассуждал о том, как сами поляки воспринимали титул русского императора в Польше. Согласно его воспоминаниям, граф Новосильцев соглашался, что поляки недовольны тем, что еще Александр I перед ними и Европой назывался *Krol* и *Roі* (относительно Польши), а перед русскими — царем. В полном титуле императора «царь польский» всегда стояло после царя казанского, сибирского или астраханского, что в какой-то степени унижало поляков [15, с. 92].

На коронацию Николай взял с собой наследника — Александра Николаевича, оба они были одеты в польские мундиры и говорили по-польски. Прием демонстрации династической преемственности [16, с. 459–460] был применен здесь, чтобы показать, что Польша связана с Россией навеки. Цитируя воспоминания польского общественного деятеля Ф. Скарбека, Н. М. Филатова отмечает, что по приезде в Польшу, представляя цесаревича войскам, «Николай I сказал: ручаюсь, что он хороший поляк, поскольку так воспитан, и, надеюсь, что придет время, когда вы его таким признаете» [13, с. 67]. Таким образом, Николай I и в воспоминаниях очевидцев принимал во внимание двойственность, необходимую императору и представителям его семьи — быть одновременно и русским, и поляком.

Известный польский врач-офтальмолог В. Ф. Шокальский писал: «Находясь в Польше, Николай I отдалил от себя полицию, говорил по-польски» [13, с. 73]. Ю. Пательский — старший сержант роты Его Императорского и Королевского Величества Первого полка конных егерей — также вспоминал: «Никогда не забуду вида красивой, импозантной фигуры императора Николая I [...] и великолепной, запряженной восьмеркой лошадей кареты, везущей симпатичную польскую королеву Александру» [13, с. 73].

Император Александр I не короновался польской короной, и это попытался исполнить уже Николай I [13, с. 65], однако сделать этого император не смог, т.к. она не была найдена. В Варшаве не подчеркивали факт коронации российской короной. В стихах, сочиненных польским актером и драматургом Л. Дмушевским и украсивших его балкон, было сказано:

«*Zasiadł na Piastow i Jagiellow tronie w polskiej koronie* (Воссел на Пястов и Ягайлов трон в польской короне) (польск.) [13, с. 74].

Богуслава Маньковская (дочь генерала Я. Домбровского) писала, что «гордый, могущественный царь, властелин половины Европы, представитель гордых Романовых склонил голову, дабы на нее в Варшаве возложили корону польских королей» [13, с. 75]. Пательский также отмечал, что чуждое происхождение короны, которой короновался

Николай, было важно только для революционных и эмигрантских кругов.

Многие польские патриоты, в особенности отнosedившиеся к революционным кругам, во время и после коронации Николая I вновь подняли вопрос о месте Польши среди других частей империи. Николай I «возложил на свою голову непольскую корону и посмел уравнивать скипетр прекраснейшего славянского племени с астраханским и сибирским» — так писал участник заговора подхорунжих и Польского восстания А. Лаский [13, с. 77]. В польской литературе позднее корона часто упоминается как «фальшивая», «чужая» и «ненациональная» [17, с. 116–131].

Для анализа образов и их составляющих важны и воспоминания российских приближенных Николая I. Присутствовавший на коронации А. Х. Бенкендорф отмечал: «В доказательство того, что обе страны находятся под одним и тем же правительством, государь велел привезти из Петербурга императорскую корону» [18, с. 251]. В. А. Жуковский оставил запись в своих дневниках: «Неприличие благословения короны» [19, с. 308], очевидно, считая недопустимым благословение короны католическим священником. Оба отдельно останавливаются на короне, как на символе власти, связывая ее в том числе и с верой, придавая большое значение визуальной репрезентации власти.

Оценки церемонии и Николая как польского короля разделились: были и те, кто испытывал национальную гордость, и те, кто сильно сомневался в дальнейшем успешном сосуществовании России и Польши. Весной 1830 г. Николай вновь отправился в Польшу, чтобы присутствовать на сейме. А. Х. Бенкендорф писал, что сейм окончился «миролюбиво, хотя, в сущности, довольно холодно» [5, с. 386]. Император остался обижен тем, что не нашел поддержки по некоторым вопросам, холодностью приема, например, тем, что в нарядах дам преобладали польские цвета, а некоторые приглашенные на бал в его честь не явились. Николай отмечал: «Может быть, это патриотично, но совсем невежливо» [5, с. 386]. Член совета министров внутренних дел О. А. Пржедавский, работавший в Санкт-Петербурге накануне начала восстания, подчеркивал, что на тот момент в столице «продолжалась мода на все польское» [15, с. 316].

Восстание явилось для Николая I неожиданно — он был удивлен и уязвлен случившимся. Посланцу польского диктатора Ю. Хлопицкого, князю Ф. К. Друцкого-Любецкому он сказал: «Ведь вам же хорошо было! Конституцию, которую я застал, я уважал и хранил без изменения. <...> Я желал, чтобы всё было хорошо, и желание свое в конце концов осуществил бы...» [5, с. 390]. После восстания отношение императора к Польше и полякам изменилось и стало резко отрицательным [5, с. 396]. Сам Николай I в беседе с французским посланником — бароном Бургоэном уже в конце восстания отмечал: «Между поляками и мной может существовать лишь полнейшая недоверчивость» [20, с. 199].

Образ Николая I во время восстания и после его подавления приобрел больше негативных красок, но не всегда оставался сугубо отрицательным. Мемуаристка Наталия Кицкая отмечала, что «Николай подверг весь народ палаческой расправе» [11, с. 173], в то время как диктатор восстания — Юзеф Хлопицкий был уверен в исполнении Николаем

Павловичем своих обещаний, говоря: «Я присягал Николаю как конституционному монарху. [...] гарантирую, что конституция будет сохранена, и русская армия не появится в Королевстве Польском» [11, с. 202].

После миссии Друцкого-Любецкого парламентом в Варшаве было принято «Постановление о дeтронизации Николая I» [21, с. 103]. Документ был написан в максимально сбалансированном тоне благодаря президенту национального правительства князю Чарторыйскому, который при подписании «Постановления...» изрек: «Потеряли Польшу!» [22, с. 668]. Кроме Чарторыйского, против низложения Николая выступал и общественный деятель И. Лелевель [11, с. 212]. В те дни объявлялось, что «король польский Николай не мог бороться с Николаем — самодержавным царем Всея Руси», «Николая, короля Польского, никогда не было. Остался только самодержавный царь» [23, с. 56–57].

Лелевель в начавшемся восстании видел не восстание против царя или русского народа, который, «если желает, может называться братним народом польского, а только против русской политики, которая с столь давних времен притесняет польский народ» [24, с. 323]. В этом прослеживается параллель и с тем, как в сознании многих польских деятелей того времени существовала необходимость отделять Николая I — русского царя от Николая I — короля Польши.

Польский политический деятель М. Мохнацкий, вспоминая выражение И. Лелевеля: «Пусть война начнется, пусть конституционный король сражается с самодержавным императором», добавлял: «...сомневаюсь, что кто-нибудь сумеет понять, каким образом король всероссийский Николай мог бы воевать с императором польским Николаем» [22, с. 309]. По большинству воспоминаний польских аристократов и военных деятелей очевидно, что патриотами ставились четкие границы между двумя ролями Николая.

Распространению негативных характеристик способствовали и литературные образы Николая I после восстания. К примеру, баллада русской поэтессы и переводчицы, графини Е. П. Ростопчиной «Барон и жена», в которой описаны отношения Польши (жены) к императору Николаю (барону):

«Он говорит мне запрещает
На языке моем родном,
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным гербом» [25, с. 194].

Поэт Адам Мицкевич также наделил Николая негативными эпитетами в связи с подавлением восстания. В стихотворении «Моим друзьям-москалям» Мицкевич призывал «не продавать душу царю» и бороться, однако, имея в виду борьбу не с русским народом, а с гнетом самодержавной власти [26, с. 43].

Заключение. Анализируя российские и польские источники личного происхождения, самыми информативными из которых являются мемуары, поскольку позволяют оценить взгляды не только автора, но и его современников, можно утверждать, что сам факт существования в Польше короля оценивался положительно, поскольку для поляков после разделов Речи Посполитой был очень важным момент появления Польши на мировой карте, хотя и в составе другого государства. Поскольку в Речи

Посполитой неоднократно правили короли иноземного происхождения, о чужеродности Романовых поляки вспоминали только тогда, когда нарушались условия, на которых Польша вошла в состав Российской империи.

Перед российской властью в Польше изначально стояла сложная задача четкого разграничения как политических действий, так и репрезентации власти, в том числе визуальной. Важность этого момента была понятна самому императору, представителям власти и общественным деятелям России и Польши. В отношении Николая I политические деятели, патриоты и литераторы выдвигали на передний план концепт разделения двух ролей одного человека, отмечая либо необходимость борьбы одной роли с другой, либо (уже во время восстания) победу самодержавного царя над польским королем. Так, представителями польской элиты выделялось два образа одного человека, которые противопоставляются друг другу. Личность Николая I также наделялась характеристиками, встраиваемыми в конструируемые образы. Взаимоотношения Николая I, как польского короля, с польским народом начались, как показал последний сейм, в обстановке предубеждения и недоверия, что активно демонстрировали представители высшего общества Польши во время пребывания там Николая. Коронация вызвала противоречивые оценки, причем как в польских, так и в российских кругах. Русские приближенные Николая I обращали внимание на национальные и религиозные символы, причем стремились не допустить, чтобы во время коронации символы поляков — католиков преобладали над русскими — православными. Негативные характеристики Николая I до восстания возникали вопреки тому, что на том этапе своего правления Николай I был настроен по отношению к Польше дружелюбно, что он сам неоднократно отмечал как в письмах, так и в беседах с приближенными и польскими политиками. Противоречия, копившиеся долгие годы, вылились в восстание, которое навсегда поставило Николая I и польское общество по разные стороны баррикад и, очевидно, в итоге привело к тому, что в «сражении» двух образов самодержавный царь все-таки победил конституционного короля Польши, что, в свое время, тоже нашло отражение в источниках.

Образ Николая I в российско-польском дискурсе становится одним из самых актуальных для Российской империи во второй четверти XIX в. Попытка четкого разграничения репрезентации образа и действий не является результативной, вызывая негативные характеристики как в Польше, где действия императора воспринимаются как ущемление прав, так и в России, где ставится под сомнение необходимость лояльности Царству Польскому. Выдвижение на первый план образа самодержавного монарха, однако, происходит не до Польского восстания и является не его причиной, а следствием. Кроме того, одним из итогов данного восстания явилась и новая политика Николая I в отношении национального строительства империи.

Библиографический список

1. Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование: моногр. В 2 т. Санкт-Петербург: А. С. Суворин, 1903.
Т. 1. 800 с.
Т. 2. 820 с.

2. Любош С. Последние Романовы. [Репринт. воспроизведение изд. 1924 г.]. Москва: Збруч, 1990. 288 с. ISBN 5-85020-001-0; 5850200010.
3. Чулков Г. И. Императоры: психологические портреты. Москва: Искусство, 1995. 460 с. ISBN 5-210-01303-0.
4. Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. Москва: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. 95 с.
5. Высокочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. Москва: Академический проект, 2018. 999 с. ISBN 978-5-8291-1863-1.
6. Олейников Д. И. Николай I. Москва: Молодая гвардия, 2012. 336 с. ISBN 978-5-235-03537-9.
7. Филатова Н. М. Вокруг «Кордиана». Образ великого князя Константина Павловича в польской литературе // Юлиуш Словацкий и Россия. Москва: Индрик, 2011. С. 38–52. ISBN 978-5-91674-123-0.
8. Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // Славяноведение. 2013. № 5. С. 37–48.
9. Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. Москва: НЛО, 2010. 908 с. ISBN 978-5-86793-816-1.
10. Дьяков В. А. Краткая история Польши: с древнейших времен до наших дней. Москва: Наука, 1993. 528 с. ISBN 5-02-010035-8.
11. Война женскими глазами. Русские и польские аристократки о польском восстании 1830–1831 гг. Москва: НЛО, 2005. 346 с. ISBN 5-86793-385-7.
12. Николай I. Записные книжки великого князя Николая Павловича, 1822–1825. Москва: Политическая энциклопедия, 2013. 903 с. ISBN 978-5-8243-1842-5.
13. Филатова Н. М. Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: сб. ст. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 63–80. ISBN 978-5-4469-0665-9.
14. Николай I. Из письма к великому князю Константину Павловичу от 24 октября 1827 г. // Император Николай Первый. Москва: Русский мир, 2002. С. 151–152. ISBN 5-89577-039-8.
15. Пржецлавский О. А. Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. Москва: НЛО, 2010. С. 29–475. ISBN 978-5-86793-816-1.
16. Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Москва: ОГИ, 2004. 605 с.
17. Филатова Н. М. Корона в польском историческом сознании: реалии и художественный вымысел // Концепт вещи в славянских культурах / под ред. А. С. Семеновской, Д. К. Полякова. Москва: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2012. С. 116–131. ISBN 978-5-7576-0252-3.
18. Николай Первый. Молодые годы: воспоминания, дневники, письма / Сост.: М. А. Гордин, В. В. Лапин, И. А. Муравьева. Санкт-Петербург, 2008. 368 с.
19. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 607 с. ISBN 5-94457-150-0.
20. Николай I. Из беседы с французским посланником, бароном Бургоэном. 6 октября 1831 г. // Император Николай Первый. Москва: Русский мир, 2002. С. 199–200. ISBN 5-89577-039-8.
21. Kieniewicz S. Historia Polski: 1795–1918. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. 597 s. ISBN 9788301121372.
22. Mochnacki M. Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. Wrocław, 1850. 272 s.
23. Wężyk F. Powstanie Królestwa Polskiego w roku 1830 i 1831. Kraków, 1895. 283 s.
24. Цесаревич Константин Павлович в Вержбне. 20 ноября 1830 г. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Санкт-Петербург, 1878. № 6. С. 317–324.
25. Ерохина О. В. Взаимосприятие русско-польской аристократии в первой половине XIX в. // Россия и Польша.

Опыт тысячелетнего соседства: материалы Междунар. науч. конф. Москва: Изд-во МПГУ, 2019. С. 188–195. ISBN 978-5-4263-0849-7.

26. Dąbrowska M., Głuszkowski P., Kaźmierczyk Z. Adam Miśkiewicz i Rosjanie. Warszawa, 2020. 368 s. ISBN 978-83-65390-83-7.

ЧЕРКАССКАЯ Надежда Алексеевна, преподаватель отделения среднего профессионального образования.

SPIN-код: 1230-1177

AuthorID (РИНЦ): 947137

Адрес для переписки: nadlinepost@gmail.com

Для цитирования

Черкасская Н. А. Образ Николая I в источниках личного происхождения: русско-польский дискурс // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 2. С. 24–29. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-24-29.

Статья поступила в редакцию 17.03.2021 г.

© Н. А. Черкасская

UDC 93/94+930.2

DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-24-29

N. A. CHERKASSKAYA

The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
(Omsk branch),
Omsk, Russia

THE IMAGE OF NICHOLAS I IN SOURCES OF PERSONAL ORIGIN: RUSSIAN-POLISH DISCOURSE

Currently, one of the topical issues for Russian historians is the study of the personalities of Russian monarchs including tsars and emperors of the Romanov dynasty. The problem of constructing the image of a representative of power both in Russia and abroad especially in the light of the problems of nation-building also relevant among researchers is revealed. The purpose of our work is to reconstruct the images of emperor Nicholas I to reveal their transformation, similarities and differences within the framework of the Polish question. The article analyzes Russian and Polish sources of personal origin in the 1820s–1830s in the context of the Polish coronation of 1829 and the uprising of 1830–1831. Using historical and anthropological approach they have the opportunity to identify the features of the formation of emperor's image. The historical-comparative method let us to analyze the characteristics that the emperor was endowed with by his contemporaries and to reconstruct the chronological evolution of the images of Nicholas I. The main result of this evolution can be called the moment of separation of the image of the Russian emperor from the image of the Polish king, which was repeatedly emphasized by both Russian and Polish contemporaries, and by the emperor himself. The self-identification of Nicholas I as the Russian autocratic monarch was one of the results of the Polish uprising of 1830–1831 that followed soon after the coronation.

Keywords: Sources of personal origin, national politics, Russian Empire, Poland, Kingdom of Poland, Russian autocracy, Polish Uprising 1830–1831, Nicholas I.

References

1. Schilder N. K. Imperator Nikolay Pervyy, ego zhizn' i tsarstvovaniye [Emperor Nicholas I, his life and reign]. In 2 vols. St. Petersburg, 1903. (In Russ.).

Vol. 1. 800 p. (In Russ.).

Vol. 2. 820 p. (In Russ.).

2. Lyubosh S. Posledniye Romanovy. Reprint. vosproizvedeniye izd. [The Last Romanovs. [Reprint reproduction ed. 1924]]. Moscow, 1990. 288 p. ISBN 5-85020-001-0; 5850200010. (In Russ.).

3. Chulkov G. I. Imperatory: psikhologicheskiye portrety [Emperors: psychological portraits]. Moscow, 1995. 460 p. ISBN 5-210-01303-0. (In Russ.).

4. Poliyevktov M. A. Nikolay I. Biografiya i obzor tsarstvovaniya [Nicholas I. Biography and review of the reign]. Moscow, 1918. 95 p. (In Russ.).

5. Vyskochkov L. V. Nikolay I i ego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroy chetverti XIX veka [Nicholas I and his era. Essays on the history of Russia in the second quarter of the 19th century]. Moscow, 2018. 999 p. ISBN 978-5-8291-1863-1. (In Russ.).

6. Oleynikov D. I. Nikolay I [Nicholas I]. Moscow, 2012. 336 p. ISBN 978-5-235-03537-9. (In Russ.).
7. Filatova N. M. Vokrug «Kordiana». Obraz velikogo knyazya Konstantina Pavlovicha v pol'skoy literature [Around «Cordiana». The image of the Grand Duke Konstantin Pavlovich in Polish literature] // Yuliush Slovatskiy i Rossiya [Juliusz Słowacki and Russia]. Moscow, 2011. P. 38–52. ISBN 978-5-91674-123-0. (In Russ.).
8. Kashtanova O. S. K istorii koronatsii Nikolaya I v Varshave (1829 god) [To the history of the coronation of Nicolas I in Warsaw (1829)] // Slavyanovedeniye. *Slavianovedenie*. 2013. No. 5. P. 37–48. (In Russ.).
9. Polyaki v Peterburge v pervoy polovine XIX veka [Poles in St. Petersburg in the first half of the 19th century]. Moscow, 2010. 908 p. ISBN 978-5-86793-816-1. (In Russ.).
10. Dyakov V. A. Kratkaya istoriya Pol'shi: s drevneyshikh vremen do nashikh dney [Brief history of Poland: from ancient times to the present day]. Moscow, 1993. 528 p. ISBN 5-02-010035-8. (In Russ.).
11. Voyna zhenskimi glazami. Russkiye i pol'skiye aristokratki o pol'skom vosstanii 1830–1831 gg. [War through the eyes of women. Russian and Polish aristocrats about the Polish uprising of 1830–1831]. Moscow, 2005. 346 p. ISBN 5-86793-385-7. (In Russ.).
12. Nikolay I. Zapisnyye knizhki velikogo knyazya Nikolaya Pavlovicha, 1822–1825 [Nicholas I. Notebooks of the Grand Duke Nikolai Pavlovich, 1822–1825]. Moscow, 2013. 903 p. ISBN 978-5-8243-1842-5. (In Russ.).
13. Filatova N. M. Varshavskaya koronatsiya Nikolaya I v 1829 g.: russkiy i pol'skiy vzglyady [Warsaw coronation of Nicholas I in 1829: Russian and Polish views] // Romanovy v doroge. Puteshestviya i poyezdki chlenov tsarskoy sem'i po Rossii i za granitsu. *Romanovy v Doroge. Puteshestviya i Poyezdki Chlenov Tsarskoy Sem'i po Rossii i za Granitsu*. Moscow; St. Petersburg, 2016. P. 63–80. ISBN 978-5-4469-0665-9. (In Russ.).
14. Nikolay I. Iz pis'ma k velikomu knyazyu Konstantinu Pavlovichu ot 24 oktyabrya 1827 g. [Nicholas I. From a letter to Grand Duke Konstantin Pavlovich dated October 24, 1827] // Imperator Nikolay Pervyy [Emperor Nicholas the First]. Moscow, 2002. P. 151–152. ISBN 5-89577-039-8. (In Russ.).
15. Przhetslavskiy O. A. Vospominaniya [Memories] // Polyaki v Peterburge v pervoy polovine XIX veka [Poles in St. Petersburg in the first half of the XIX century]. Moscow, 2010. P. 29–475. ISBN 978-5-86793-816-1. (In Russ.).
16. Wortman R. S. Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoy monarkhii. V 2 t. T. 1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I [Scenarios of power: myths and ceremonies of the Russian monarchy. In 2 vols. Vol. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I]. Moscow, 2004. 605 p. (In Russ.).
17. Filatova N. M. Korona v pol'skom istoricheskom soznanii: realii i khudozhestvennyy vymysel [Crown in the Polish historical consciousness: realities and fiction] // Kontsept veshchi v slavyanskikh kul'turakh [Concept of things in Slavic cultures] / Eds.: A. S. Semenova, D. K. Polyakov. Moscow, 2012. P. 116–131. ISBN 978-5-7576-0252-3. (In Russ.).
18. Nikolay Pervyy. Molodyye gody: vospominaniya, dnevniki, pis'ma [Nicholas the First. Young years: memoirs, diaries, letters] / Comp.: M. A. Gordin, V. V. Lapin, I. A. Muravyeva. St. Petersburg, 2008. 368 p. (In Russ.).
19. Zhukovskiy V. A. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. V 20 t. T. 13. Dnevnik. Pis'ma-dnevnik. Zapisnyye knizhki. 1804–1833 [Complete works and letters. In 20 vols. Vol. 13. Diaries. Diary letters. Notebooks. 1804–1833]. Moscow, 2004. 607 p. ISBN 5-94457-150-0. (In Russ.).
20. Nikolay I. Iz besedy s frantsuzskim poslannikom, baronom Burgoenom. 6 oktyabrya 1831 g. [Nicholas I. From a conversation with the French envoy, Baron Burgoen. October 6, 1831] // Imperator Nikolay Pervyy [Emperor Nicholas the First]. Moscow, 2002. P. 199–200. ISBN 5-89577-039-8. (In Russ.).
21. Kieniewicz S. Historia Polski: 1795–1918. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. 597 s. ISBN 9788301121372. (In Polish).
22. Mochnecki M. Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. Wroclaw, 1850. 272 s. (In Polish).
23. Wężyk F. Powstanie Krylestwa Polskiego w roku 1830 i 1831. Krakow, 1895. 283 s. (In Polish).
24. Tsesarevich Konstantin Pavlovich v Verzhbne. 20 noyabrya 1830 g. [Tsarevich Konstantin Pavlovich in Verzhbna. November 20, 1830] // Russkaya starina. Ezhemesyachnoye istoricheskoye izdaniye [Russian antiquity. Monthly historical publication]. St. Petersburg, 1878. No. 6. P. 317–324. (In Russ.).
25. Yerokhina O. V. Vzaimovospriyatiye russko-pol'skoy aristokratii v pervoy polovine XIX v. [Mutual perception of Russian-Polish aristocracy in the first half of the XIX c] // Rossiya i Pol'sha. Opyt tysyacheletnego sosiedstva. *Rossiya i Pol'sha. Opyt Tysyacheletnego Sosiedstva*. Moscow, 2019. P. 188–195. ISBN 978-5-4263-0849-7. (In Russ.).
26. Dąbrowska M., Głuszkowski P., Kaźmierczyk Z. Adam Mickiewicz i Rosjanie. Warszawa, 2020. 368 s. ISBN 978-83-65390-83-7. (In Polish).

CHERKASSKAYA Nadezhda Alekseevna, Lecturer of Secondary Vocational Education Department.
 SPIN-code: 1230-1177
 AuthorID (RSCI): 947137
 Correspondence address: nadlinepost@gmail.com

For citations

Cherkasskaya N. A. The image of Nicholas I in sources of personal origin: Russian-Polish discourse // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2021. Vol. 6, no. 2. P. 24–29. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-24-29.

Received March 17, 2021.
 © N. A. Cherkasskaya